

ПОРТРЕТ

ФАНТАЗИИ И ОТКРЫТИЯ ОЛЕГА МЕНЬШИКОВА

ПОСЛЕ ДЛИТЕЛЬНОГО ПЕРЕРЫВА ОЛЕГ МЕНЬШИКОВ ВЕРНУЛСЯ К РОЛИ, СДЕЛАВШЕЙ ЕГО ЗНАМЕНИТЫМ: ЖЕСТОКОГО И НЕСЧАСТНОГО КАЛИГУЛЫ. БОЛЕЕ ПОЛУГОДА АКТЕР ПРОВЕЛ В ЛОНДОНЕ: В СПЕКТАКЛЕ ОБ АЙСЕДОРЕ ДУНКАН ОН СЫГРАЛ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА (АЙСЕДОРУ ИСПОЛНИЛА ПРОСЛАВЛЕННАЯ ВАНЕССА РЭДГРЕЙВ). ИТАК, В ЛОНДОНЕ - РУССКИЙ ПОЭТ, В МОСКВЕ - РИМСКИЙ ИМПЕРАТОР. ТАКОВЫ ИЗЛЮБЛЕННЫЕ "МЕНЬШИКОВСКИЕ ПАРАДОКСЫ". ЧТО ЖЕ, МОСКВА СОСКУЧИЛАСЬ ПО СВОЕМУ ЛЮБИМЦУ И РАДА СНОВА ВИДЕТЬ ЕГО НА ПРИВЫЧНОЙ "СЦЕНЕ ПОД КРЫШЕЙ" ТЕАТРА ИМЕНИ МОССОВЕТА В СПЕКТАКЛЕ, КОТОРЫЙ БЫЛ СЫГРАН В ФЕВРАЛЕ КАК ПРЕМЬЕРА.

Лукавое, подвижное лицо. Непринужденная грация движений. Затейливость игры и абсолютная искренность чувств. Таким я впервые увидел актера Олега Меньшикова в телефильме "Покровские ворота". Было в его герое, современном мальчишке нечто большее, чем просто дань типажной моде, что-то, во что хотелось проникнуть.

Потом последовало много ролей в кино, и герои Меньшикова всегда оказывались по-человечески интереснее, объемнее, привлекательнее, нежели скрытый за ними драматургический материал. В них хотелось всматриваться, вслушиваться, стремясь разгадать тайну всегда непростой, неординарной индивидуальности. Вспомним хотя бы фильм "Мой любимый клоун". Меньшиков изображает свойского парня, знающего всех и вся, сыплющего шуточками, и вдруг - в какое-то мгновение! - мы ловим его взгляд, наполненный то тоской, то неподдельной нежностью. И тогда враз слетает все напускное, и в свои права вступает живое чувство и доброта.

Внешний рисунок двух ролей, в которых Олег Меньшиков еще недавно выходил на сцену театра имени Ермоловой, казалось бы, несхож. Юный Сережа, герой "Спортивных игр 1981 года" (по пьесе Эдварда Радзинского) - легкий, подвижный, совсем еще мальчик, такой небрежно-естественный, изящный и одновременно развинченный. Однако в проступающих постепенно: сначала наивности, потом искренности переживаний, потом - несколько чрезмерной экзальтации и невозможности объяснить себя окружающим - уже тянулась ниточка к Робеспьеру, которого Меньшиков играл в спектакле "Второй год свободы" (по пьесе Александра Буравского). Обоим этим героям жизнь предлагала "казаться", а не быть. Они же этого не умели. И не желали обманывать, притворяться, лгать...

В противопоставлении естественности и простодушия своих героев - фальши, всеобщему лицедейству, подчас юродству и определялась их человеческая суть. В публицистичность, плакатность обоих спектаклей именно Меньшиков вносил отсвет живого, трепетного страдания, той тяжелой душевной муки, которую его герои - несмотря на несхожесть - переживали на наших глазах.

И вот - новая роль, которую Меньшиков играет сегодня, перейдя в театр имени Моссовета. Император Калигула в спектакле "Калигула" (по пьесе Альбера Камю, постановка Петра Фоменко). Эта работа стала едва ли не самым ярким и громким событием театрального года.

Перед первым появлением Калигулы Меньшикова кто-то из персонажей спектакля произносит: "В императорах не

хватки нет - личностей не хватает". Именно Личность удалось воплотить актеру. Первое впечатление от его героя: задумчив, отстранен. Открывает для себя неправедность миропорядка, при котором люди смертны. Калигула-Меньшиков захочет бессмертия - и в этом проявятся и дерзость его, и детскость, и мечта о несбыточном, и стремление к идеалу. Но он быстро, слишком быстро осознает, что это недостижимо, что его срок отмерен. Что Идеал и Гармония ему неподвластны и недоступны. И с этой минуты до самого конца будет преследовать тех, кто в его власти, словно мстя за свою беспомощность.

В Калигуле Меньшикова парадоксальным, неожиданным образом сплелись воедино его Сережа из "Спортивных сцен", одинокий, замученный комплексами и затравленный средой мальчик, и одержимый и бесстрастный фанатик революции Робеспьер. Подобно Робеспьеру, он сочтет, что его предназначение в том, чтобы стать Учителем, Мессией, - и тоже потерпит поражение. Он будет то царственно величествен, то ошеломительно прост, то мальчишески забавен - этаким проказливый ребенок на императорском троне, то вдруг страшен.

Внешне он меньше всего похож на тирана: современный юноша, играющий с огнем, - таким покажется поначалу. Но игра постепенно перестанет быть шуткой, сомкнется с реальностью. И Калигула станет тем, кем его хотят видеть, - тираном. Шаг за шагом герой Меньшикова будет заглушать в себе все человеческое, чистое и святое.

Накал, предлагаемый актером, все нарастает на протяжении спектакля. Он словно бы торопит действие, а его герой - подгоняет собственный конец, собственную мученическую смерть. Меньшиков

играет мощь личности и... ее банкротство. Ибо его Калигула хотел заменить Бога, Верховного Судью, а осудил в итоге самого себя - на вечный конфликт с самим собой. И не поймешь, когда он искренен и прост, а когда лицедействует и юродствует. Да он, похоже, и сам не всегда это понимает: маска, которую надел когда-то, из желания примерить, приросла. И уже не сорвешь ее, не прервешь страшную игру: это путь в бездну...

Палач и мечтатель, палач и жертва - между этими полюсами мечется Калигула. Актёр воплощает поразительную сложность, непредсказуемость своего героя, его раздвоенность, расчетверенность. И все время на пределе, все время как бы взмахивая, на грани безумия. Тут открываются такие глубины и такие озарения, какие доступны только большим, мощным актерам.

Изменения душевных состояний Калигулы-Меньшикова не сопровождаются никакими театральными ухищрениями: на нем до конца спектакля не будет ни грима, ни париков, ни царственных одежд. Простые брюки сменяются будничным комбинезоном или плащом. И все, что произойдет на наших глазах с героем Меньшикова, - будут изменения внутренние, рожденные естеством актера, его пластикой, голосом.

Эта роль - огромная победа актера. Хочется увидеть его в других классических и современных ролях. Например, Гамлета, современного Гамлета конца XX столетия. И пожелать, чтобы актерское счастье ему не изменяло. Ведь Меньшиков обладает редким даром - назовем его "автономией духа".

Юрий ФРИДШТЕЙН